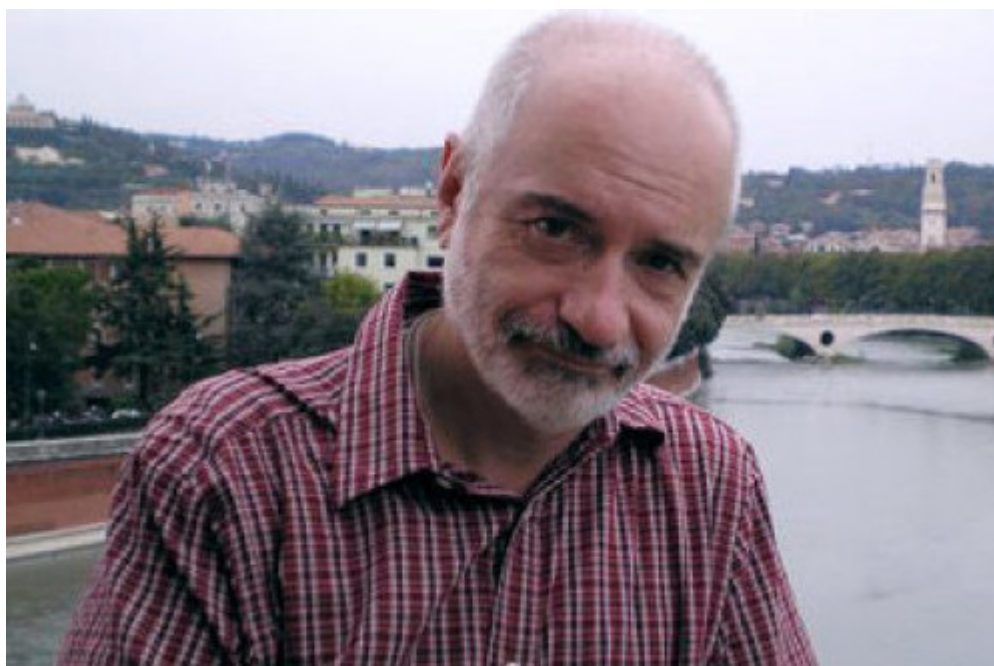

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Литература как власть | Le pouvoir de la littérature

Auteur: Сергей Хазанов, [Женева](#) , 25.05.2017.

Михаил Эпштейн

Регулярный читатель и периодический автор Нашей Газеты поделился впечатлениями от лекции профессора Михаила Эпштейна, 18 мая побывавшего в гостях у Русского кружка Женевского университета.

|

Un lecteur régulier et un auteur occasionnel de Nasha Gazeta a fait part de ses impressions après la conférence du professeur Mikhaïl Epstein, qui, le 18 mai, a été l'hôte du Cercle russe de l'Université de Genève.

Le pouvoir de la littérature

Представляя американско-российского слависта из Университета Эмори (Атланта, штат Джорджия) и перечисляя области его научных интересов, профессор Жорж Нива упомянул филологию, литературоведение, философию, культурологию, сравнительный анализ культур, теологию, словотворчество и многое другое. Интересов у именитого гостя оказалось столько, что вскоре Жорж Нива иронически махнул рукой: «Вам слово, коллега. Огласите весь список, пожалуйста.»

Высоконаучная тема выступления – «Литература как власть. О пересечениях литературы и политики в новейшей российской истории», как это звучало в приглашении – не предвещала аншлага, но тут профессор А.Е. из Institut Le Rosey ввела в зал группу подростков, своих русскоязычных учеников. Это существенно снизило средний возраст аудитории и придало шарм столь, казалось бы, строго академическому мероприятию.

«Литература и власть, культура и политика» – так определил тему сам докладчик, неоднократно почеркнув, что на роль политолога вовсе не претендует. Однако без политики не обошлось. Свой основной метод исследования – анализ состояния современного российского общества через призму русской литературы – профессор Эпштейн обильно иллюстрировал примерами из своей новой книги «От совка к бобку», предварительно пояснив этимологию обоих терминов. Метод этот существенно связан с концепцией хронотопа (связь времени и пространства, от греческих хронос-время и топос-пространство), введенной в русское литературоведение М. Бахтиным.

Перечислив основные временно-пространственные этапы развития русского общества от Рюрика до нынешнего президента, докладчик особо остановился на 3 августа 2008 года, дате кончины Александра Исаевича Солженицына – когда, по его мнению, у России порвались главные связи с советским и постсоветским прошлым, и «совок» начал сменяться «бобком». Слово это, «бобок», поясняет М. Эпштейн, встречается еще у Достоевского, означая «слово-клич, звук последнего бесстыдства, когда уже все дозволено, потому что смерть все спишет. Для сегодняшней же России это знак громкого исчезновения, раскатистый предсмертный выдох. Бобок – это агрессивно-депрессивный совок, который ничего хорошего не ждет от мира. А потому готов первым нанести сокрушительный удар и, разлагаясь в могиле, грозит «бобокалипсисом», читай «жлобокалипсисом».

Аргументация доклада выстроена была солидно, по-научному, и я внимал ему с почтением. И тут его величество случай поместил рядом со мной соседа, господина весьма ехидного, который то и дело осаживал мой энтузиазм.

«Зло всегда обращено к массе, а добро к отдельной личности, – сформулировал докладчик. – Возьмите Христа, миссия которого воплощалась лишь в спасении отдельных людей: Лазаря, Иаира, расслабленного, самаритянки...»

«Ой ли? – прошептал сосед. – Ну просто пророк. Остается согласовать с Ватиканом. А не забыть ли тогда Прометея, заботившегося о роде человеческого абстрактно, а не об отдельных индивидуумах? И что нам Исход, коль Моисей бывал излишне суров к отдельным соплеменникам, например, к трем тысячам, зарезанным по его приказу после его спуска с горы Синай? А Петр I, двинувший вперед хронотопию России – ангел, что и букашки бы не тронул? Примеров – мало не покажется.»

Весьма критичный к совку и к бобку, докладчик разворошил угли своей публичной дискуссии с Дмитрием Быковым, имевшей место в 2011 году, когда он «отчитал» Д. Быкова за так называемую тотальгию по советскому прошлому, за расхваливание тогдашнего расцвета науки и культуры и за утверждение, что прежняя первосортная диктатура привлекательней нынешней второсортной свободы.

«Разумеется, – усмехнулся сосед. – А разные там «достижения» (физика-математика,

космос, балет и наконец отсутствие крупных этнических конфликтов) – это досадные исключения, коль не укладываются в общую концепцию. И весь советский проект – не более, чем только КГБ, съезды КПСС и Гулаг. И точка.»

«Все правильно, – продолжал он, отдышавшись. – Почему бы не отмежеваться от «совка» человеку, многим этому «советскому миру» обязанному и существовавшему там относительно благополучно (учеба в МГУ, куда евреев практически не пускали, затем публикации и членство в Союзе писателей, со всеми вытекающими льготами, вплоть до квартиры)? Отречемся от... это по-нашему.»

«Тексты Лимонова для него пошлость? – вновь зашептал сосед. – И правильно, давно пора взглянуть на Эдичку сверху вниз. Плевать, что Лимонов, хочет кто или нет, уже обеспечил себе место в пантеоне русской, а может, и мировой культуры, и что право на презрение к нему надо еще заслужить. Вспомните, как после замечания одной посетительницы музея о том, что «Мона Лиза» Леонардо не производит на нее никакого впечатления, Фаина Раневская в ответ пророкотала: «Милочка! Эта дама столько веков восхищала человечество, что теперь она сама имеет право выбирать, на кого производить впечатление». И «зеркало русской революции» был неправ, что «развенчал» Шекспира, только когда понял, что «дорос». Недемократично. Должен был постоять в общей очереди.»

Я только поежился от такого ехидства.

Тем временем профессор Эпштейн признался, что весьма критически смотрит на современное состояние российского общества, особенно после 2014 года, квалифицируя его как живущее против всех, вопреки всему, в угоду своему капризу, отбросившее к черту диктатуру здравого смысла и экономическую целесообразность. Как страну, охваченную мирозлобией и панфобией (тотальной ненавистью к миру как таковому), как банду, приставившую к виску всего человечества ядерное дуло. Взгляд этот он аргументировал аналогиями с ситуациями из Достоевского – деньги в огонь, жить по своей глупой воле, подпольный человек («если я не лечусь, так это со злости»), грандиозность своеволия, измеряемая грандиозностью потери....

«Классическая либеральная, политкорректная идеология! - вновь забубнил сосед. – Так Западная Европа и США демонизируют Россию, да и любое иное общество, осмелившееся сделать хотя бы один независимый шаг. Оставим в покое Северную Корею, Иран и Кубу; вспомним Израиль, каждое действие которого по защите своего существования вызывает шквал осуждающих резолюций ООН и всей прогрессивности общественности. Но уступи Израиль этим резолюциям, он давно бы уже исчез с грешной Земли, ибо еще со времен Британского Мандата и Холокоста осознал простую истину – борясь за выживание среди не самых доброжелательных соседей, полагаться в итоге он может лишь на самого себя.»

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

ОТ СОВКА К БОБКУ

Политика на грани гротеска

ДУХ ЛИТЕРА

ozon.ru

«Согласен! – подумал я, но трусливо промолчал.

«Вы поймите - слепое поклонение Западу уже не панацея. Либерализм трещит по швам – победы националистических и популистских лидеров в Европе и США, Brexit и прочие проблемы Евросоюза, выход Китая на передовые позиции в политике и экономике. Призрак бродит... Вот и проблема двойных стандартов в международных отношениях тоже выходит на поверхность, и в Европарламенте слышатся вопросы: почему присоединение Крыма мировым сообществом осуждается, а отторжение Косово от Сербии, вторжение иностранных сил в Ирак или вмешательство в Ливии – отнюдь нет?»

И сам же отвечал на риторический вопрос. «А я Вам так скажу. Критиковать свою Родину имеет право каждый. По определению. Но строить труднее, чем разрушать. Альберт Швейцер потому и стал моральным символом XX века, что слова свои подкреплял делом, сам построив свое Ламбарене и трудясь там более полувека, до конца жизни.»

«Верно, - подумал я и вздохнул.

«Конечно, поучать «Нигерию на морозе» из сытного американского далека проще и безопасней, чем «быть тогда с моим народом», как Анна Ахматова, Януш Корчак и Андрей Сахаров. Я читал, что евреи диаспоры часто относятся к Израилю весьма критически, но поучать израильтян не спешат, ибо понимают, что сами под угрозой террора не живут и детей на войне не теряют.»

«В общем, – подытожил сосед, Эдуард Лимонов и Дмитрий Быков критиковать свой бобок имеют право. В том числе и моральное. Я так думаю.»

«А все-таки, – шепнул я ему, – я сегодня много узнал нового о литературе и власти в русском обществе. Респект профессору Эпштейну.»

«Конечно», – согласился сосед и кивнул на «камчатку», где племя младое незнакомое токовало над смартфонами, решая проблемы куда более серьезные.

Давайте, мальчики!

[Жорж Нива](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/literatura-kak-vlast>